УДК 81-112:913(470.26)

О. В. Петешова *(Калининград, Россия)*

АЛЛЮЗИЯ КАК СПОСОБ СОГЛАСОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье освещается значимый в междисциплинарном отношении аспект становления калининградской региональной идентичности – процесс согласования исходных и новых названий населенных пунктов и природных объектов области при переименованиях 40-50-х гг. XX века. Целью исследования является рассмотрение такого малоизученного способа топонимических согласований, как аллюзия, предполагающего выбор в качестве новых названий неких номинаций, обладающих с исходным названием только формальным сходством. В ходе сравнительного анализа русскоязычного и германско-балтийского языкового материала с элементами количественных подсчетов делается вывод о невлиянии на предпочтение аллюзий идеологического фактора, семантики и звучания исходного топонима, и, напротив, о влиянии языкового происхождения топонимики, вида природного объекта и района его локализации. В итоге аллюзия трактуется, с одной стороны, как своеобразное проявление народной этимологии в топонимической сфере и, с другой стороны, как один из инструментов бессистемной политики инициаторов региональных переименований, направленных на русификацию новых территорий советского государства.

***Ключевые слова*:** топоним, переименование, аллюзия, народная этимология, Восточная Пруссия.

Общеизвестно, что за послевоенным присоединением территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии к Советскому Союзу в 1946-1950 гг. XX века последовала крупномасштабная кампания по переименованию иноязычных географических объектов[1]. Целью этого массового переименования, мотивированного полной сменой населения региона и его языкового состава, стала русификация местности, идеологически значимое закрепление ее новой государственной принадлежности.

В ходе переименования форма и семантика исходного топонимического материала, как правило, не учитывались. Отсюда наблюдается преобладание в современной топонимике региона несогласованных новых топонимов, которые составляют 84,9 % от всех исследованных нами названий населенных пунктов (принадлежащих шести районам Калининградской области) и 63 % от общего массива переименованных природных объектов (нами рассматривались номинации форм рельефа, урочищ, водоемов и лесов в тех же шести районах региона, а также абсолютно все остальные оронимы (названия форм рельефа) и дримонимы (названия лесных массивов).

Для согласования новых топонимов с исходными инициаторы советской кампании по переименованию использовали пять способов, среди которых лидируют два. Первый - одинаковая тематическая соотнесенность применительно к ойконимам, то есть предпочтение при выборе новой номинации семантического признака, сходного с признаком, положенным в основу предыдущего наименования, как в паре ойконимов *Eichenberg* → *Лесное*, где таким признаком является флора местности. То же можно сказать и еще о 22 парах из 46 изученных. Второй наиболее частотный способ - перевод, например, *Schnecke* → *река Улитка*. Он применялся к названиям природных объектов почти в половине случаев: из 258 согласованных топонимических пар такого рода перевод был выбран для согласования 113 пар номинаций. Выбранная нами для настоящего анализа аллюзия как способ согласования исходных и новых топонимических единиц является следующим по значимости способом в сфере ойконимики (насчитывается 14 пар, или 30 %), и только пятым в сфере названий природных объ-

[1] Решение Облисполкома № 560 от 31.12.1947. Государственный архив Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1.Д. 23; Указы Президиума Верховного Совета СССР. Государственный архив Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

ектов, затрагивающим лишь 12 % выборки (или 32 пар, переименованных согласованно). М. Лангенфельд, использующий термин «аллюзия» в контексте описания региональных топонимических переименований, считает, что суть аллюзии заключается в наличии между исходными и новыми номинациями чисто фонетического сходства при отсутствии между ними каких-либо семантических связей [2, с. 161], а значит, этот термин очень близок термину «народная этимология», активно функционирующему в современной лингвистике и подразумевающему осмысление значения слова на основе его случайного сходства с другими словами, правда, в рамках одного национального языка [4, с. 68], а не пары, как в случае с аллюзией.

Нельзя сказать, что все рассмотренные нами аллюзии характеризуются равной степенью фонетической близости двух топонимов. К материалу нашего исследования относятся как «классические аллюзии» типа: *Augstos* (название отсылает к внешнему виду горы - в переводе с древнего литовского языка *augst* означает «высокий») → *гора Августовская,* или *Kudras-Hügel* (от прусского «торф» или «мох») → *гора Кудрявая*; так и «отдаленные аллюзии», где сходство в звучании минимально, но вместе с тем однозначно прослеживается, к примеру: ***Deli**nga* (от балтийского *delu* – «исчезать»)→ *река У**дел**ьная*; ***Schill**upischken* (название образовано от гидронима балтийского происхождения) → *пос.* ***Шил**ово*.

В плане языкового происхождения топонимов, переименованных на основе аллюзии, напротив, наблюдается определенное единство. Лишь один из исходных топонимов интерпретируется как немецкоязычный - *Buchhof,* или «книжный двор». Он был преобразован в ойконим *Бухово*, типичный для Белоруссии. Еще один топоним имеет неясную основу: речь идет об ороним*е «Лагенер хакен»,* переданном в архивных документах кириллицей и не обнаруженном нами на карте местности. Сегодня ему соответствует единица *мыс Лагунный.* Все остальные аллюзии применяются при согласовании новых топонимов с исходными наименованиями прусского или древнелитовского происхождения, что предсказуемо снижает их переводимость и наводит на аллюзивную трактовку при переименовании.

При попытке несколько систематизировать семантические признаки топонимов, согласованных способом аллюзии, мы наталкиваемся на широкий разброс чуть ли не единичных мотиваций для географических названий. К их числу относятся признаки «фауна», «форма» и «флора» среди исходных номинаций (*Bredaune* – «лосиная река», *Bombull* – «гора в форме мячика», *Schillen* – «поселок около вересковой пустоши»), а также признаки «функция», «цвет» или «населенный пункт в Ирландии» (*пос. Броды, гора Красный Овраг, пос. Дублинино*).

Проверка на предмет идеологической ориентации одного из топонимов в парах, затронутых аллюзией, продемонстрировала ее косвенное наличие лишь для одной пары: *Kaschelen* (от прусского kaschis – мех) → *пос. Кошелево* (предположительно назван в честь штурмана Балтийского флота П. Л. Кошелева, участника Второй мировой войны). Советский дримоним *«лес Майский»,* ставший результатом аллюзии на немецкий дримоним *Meykener Wald,* вопреки первому впечатлению не несет намеренной идеологической окраски, поскольку оба леса в паре получили свое имя по названию близлежащих поселков.

Предпочтительный выбор аллюзии в качестве способа топонимического согласования оказался в некоторой степени связанным с видом переименованного природного объекта. При анализе становится очевидным, что чаще всего аллюзии используются для номинации новых рек: в нашем материале это касается 12 потамонимов, учитывая, что в исследовании мы ограничились шестью районами области. А среди изученных в полном объеме оронимов и дримонимов аллюзий насчитывается только 10 и 2 соответственно.

Наконец, согласование топонимов через аллюзию определенно коррелирует с районом калининградского региона. Особенно много аллюзий такого рода нами зафиксировано в Неманском районе (40 % от числа согласованных переименований), наименьшее же их чис-

ло – в Нестеровском районе (12 %, или 1 случай в абсолютных показателях). Подобные расхождения однозначно связаны с индивидуальными предпочтениями организаторов переименований в каждом из рассмотренных районов. Так, доподлинно известно, что исходные предложения по поводу возможных соответствий исходных и новых топонимов формулировались именно на районном уровне, после чего они систематизировались на уровне аппарата Областного исполнительного комитета и утверждались Верховным Советом РСФСР [1, с. 277].

В целом ситуации выбора аллюзии для согласования топонимов не представляются нам логичными. Самым ярким доказательством, позволяющим делать такой вывод, является отсутствие аллюзий при переименовании множества географических объектов, хотя их балтийские и немецкие названия напоминают лексемы русского языка. Так, населенные пункты *Alt Lappienen* и *Bogdahnen* превратились в поселки *Большие Бережки* и *Верхний Бисер*, а леса *Astrawischken* и *Lugower Wald* – в *Большаковский* и *Советский* лесные массивы соответственно. Эти переименования принадлежат к числу независимых.

Таким образом, инициаторы переименований действовали непоследовательно, что, предположительно, можно объяснить одной из двух возможных причин: либо недостатком знаний, либо сознательной языковой игрой, ради шутки [4, с. 71]. Однако в любом случае новые топонимы согласовывались с исходными способом аллюзии. Поскольку уже доказано, что переименования в Калининградской области (за исключением реноминации крупнейших городов региона) осуществлялись без привлечения экспертов-лингвистов [3, с. 106], то вряд ли выбор неграмотных колхозников, выдвигавших новые названия, основывался на семантическом анализе исходных единиц (к примеру, маловероятно, что интерпретация первого компонента ойконима *Seikwethen*, преобразованного в *Зайцево,* устанавливала что-то общее с русскими «зайками». Более вероятна все-таки версия, что отдельные названия присваивались географическим объектам не без определенной доли юмора.

Более серьезно оперировали аллюзиями организаторы двух других кампаний по переименованию на бывших прусских территориях. В частности, по утверждению Ю. В. Костяшова, аллюзии стали инструментом массовой полонизации карт в новых регионах Польши [1, с. 276] и, по нашим собственным наблюдениям, одним из инструментов германизации, реализованной нацистскими пуристами в 1938 году, в том числе, в Северо-Восточной Пруссии. В последнем случае на шесть анализируемых районов приходится 32 согласования через аллюзии (23 из них затрагивают названия местных населенных пунктов), причем почти все исходные названия состоят из двух компонентов: одного балтийского и одного немецкого. Пуристы последовательно заменили балтийские компоненты на созвучные немецкие и тем самым добились искомой германизации прусской топонимики. Яркой иллюстрацией данного положения служит пара ойконимов *Grünweitschen* (нем. «зеленый» + балт. «место») → *Grünweiden* (нем. «зеленый» + нем. «выгоны»).

В заключение отметим, что выявленная нами относительная бессистемность действий организаторов переименований в сфере использования аллюзий, к сожалению, распространяется и на многие другие исследованные нами сферы проведения топонимических реноминаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.

2. Лангенфельд М. Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. Вып. 9. С. 158-171.

3. Маслов В. Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при пе-

реименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 100-107.

4. Никитченкова А. Ю. Народная этимология в современном культурном контексте // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. тр./ ред. Е. Г. Милюгина. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2016. Вып.6 (12). С. 68-72.

O.V. Peteshova *(Kaliningrad, Russia)*

ALLUSION AS ADJUSTMENT METHOD OF TOPONYMS IN RENAMING REGIONAL GEOGRAPHIC AREAS

Abstract. The article addresses the issue of post-war formation of regional identity inherent to inhabitants of Kaliningrad region. This significant in crosscultural perspective subject is explored drawing on the process of aligning new Russian toponyms and names of natural objects with their preceding original German counterparts during the renaming process of the 1940-1950s. The author aims at examining one of the least studied means of toponymic alignment, namely allusion. The latter presupposes choosing as a new name such a lexeme that resembles the original toponym only on some formal aspects. Contrastive analysis coupled with quantitative methods draws on multiple comparative data stemming from Germanic-Baltic and Russian toponymic word stocks. The author argues that the choice of allusion is not influenced by semantics, sound form or ideology of original toponym, though its etymology as well as the type of natural object and its location do play a vital role in opting for the new name. These findings allow the author to interpret allusion both as a specific example of folk etymology in the sphere of toponymy and as a tool of asystemic governing policy of those officials that initiated the renaming process aimed at russification of new Soviet territories.

Keywords: toponym, renaming, allusion, folk etymology, East Prussia.

REFERENCES

1. Kostyashov Yu. V. Sekretnaya istoriya Kaliningradskoi oblasti, Kaliningrad, Terra Baltika, 2009, 352 p.

2. Langenfel'd M. Protsess pereimenovanii v Kaliningradskoi oblasti, Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniya : sb. nauch. st. , otv. red. V. N. Maslov, Kaliningrad, Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2011, vol. 9, pp. 158-171.

3. Maslov V. N. Sovetskaya akademicheskaya nauka i formirovanie istoricheskoi pamyati pri pereimenovanii naselennykh punktov Kaliningradskoi oblasti, Istoricheskaya ekspertiza, 2016, no. 3, pp. 100-107.

4. Nikitchenkova A. Yu. Narodnaya etimologiya v sovremennom kul'turnom kontekste, Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: sb. nauch. tr., red. E. G. Milyugina, Tver', Tver. gos. un-t, 2016, vol. 6 (12), pp. 68-72.

Петешова О. В. Аллюзия как способ согласования топонимов при переименовании географических объектов Калининградской области // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 67-70.

Peteshova O.V. Allusion as Adjustment Method of Toponyms in Renaming regional geographic Areas, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 67-70..

Сведения об авторе

Петешова Ольга Викторовна - кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; peteshova_olga@rambler.ru

Author: **Olga V. Peteshova -** Ph.D. in Philology, Associate Professor, Institute of Pedagogics, Immanuel Kant Baltic Federal University; peteshova_olga@rambler.ru.